

01.11.23

КАК СКЛАДЫВАЛАСЬ СУДЬБА НАГОРНОГО КАРАБАХА, И ПОЧЕМУ ФИНАЛ ЕЕ ОКАЗАЛСЯ ПЕЧАЛЕН

На Южном Кавказе формируется новый статус-кво. Таков важнейший итог третьей, самой скоротечной карабахской войны. Азербайджану удалось все то, о чем мечталось на протяжении последних 35 лет. Военная и политическая инфраструктура непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (НКР) подлежит демонтажу. Армения публично не только признала эту территорию азербайджанской, но и устранилась от переговоров о будущем Нагорного Карабаха. Теперь обсуждение этой проблемы идет под диктовку Баку и не в формате диалога с Ереваном или Степанакертом, а общения азербайджанских официальных лиц с представителями армянской карабахской общины (не самопровозглашенной республики!). И ключевое условие этого разговора – интеграция региона в состав Азербайджанского государства.

Ведущие мировые игроки, хотя и жестко конфликтуют между собой по другим вопросам, поддерживают территориальную целостность Азербайджана в границах АзССР. При этом и США с Францией, и Россия настаивают на соблюдении гарантий безопасности и прав армян Нагорного Карабаха. В истории армяно-азербайджанского конфликта началась новая глава. И сегодня крайне важно разобраться, как нынешнее положение вещей, всего несколько лет назад казавшееся маловероятным, стало возможным.

Взлет и падение де-факто государств

Непризнанные республики регулярно возникают в результате этнополитических конфликтов, распадов империй и многонациональных государств. И хотя формально они не существуют, на практике эти республики очень часто путают карты странам – членам ООН и играют роль, непропорциональную площади их территории или численности населения.

Вариантов будущего у де-факто государств несколько. Можно, как Швейцария, Нидерланды (изначально Республика Соединенных провинций) или Советская Россия, долго бороться за свою международную легитимацию и в итоге получить ее. Из недавних примеров можно вспомнить про бывший автономный край Сербии – Косово. И хотя до сих пор эта республика не получила места в ООН, ее независимость не признана двумя постоянными членами Совбеза (Россия и КНР) и не вошла в ОБСЕ, косовский суверенитет поддерживается 101 государством. Спортивные команды из Косова выступают под флагом этой страны на международных соревнованиях, а сама республика стала членом Всемирного банка и МВФ.

Судьба де-факто государств может складываться и иначе. После боев и конфликтов сепаратистские регионы интегрируются в состав «родительских образований» на

особых условиях. Формальных, но чаще еще и неформальных. Так было с Чечней или с Республикой Сербской в составе Боснии и Герцеговины. А бывает, что в результате боев военно-политические структуры непризнанных республик просто уничтожаются. Обычно здесь в качестве примера приводят Сербскую Краину. Но это не совсем корректно. Действительно, большая часть ее территории была подчинена Хорватии в августе 1995-го в результате операций «Буря» и «Молния», однако такие ее части, как Восточная Славония, Баранья и Западный Срем, согласно Эрдутским соглашениям, были мирно интегрированы только в 1998 году. Среди «павших» де-факто государств можно назвать Биафру в Африке (юго-восточная часть современной Нигерии) и Тамил-Илам, существовавший вне контроля центральных властей Шри-Ланки в ее северных и восточных областях.

Третий вариант: де-факто государства существуют в своем «промежуточном» неопределенном статусе, получая поддержку со стороны политических патронов. Наиболее яркие примеры в этом ряду: Турецкая республика Северного Кипра, Абхазия, Южная Осетия и в определенной степени Приднестровье.

Какие же особенности пути Нагорного Карабаха привели его к военно-политическому краху? Чем в большей степени было обусловлено его падение – изменениями больших геополитических раскладов или внутренними проблемами и разладом в отношениях с Арменией?

Нагорный Карабах: особый случай

Когда описывают любое де-факто государство, обычно обращают внимание на его ресурсы, позволившие долго продержаться на плаву. Известный британский кавказовед Томас де Ваал справедливо утверждал, что работать главой такого образования – незавидная участь. Есть риск попасть во все возможные санкционные списки, стать изгоем и нерукопожатным политиком. Но главный риск – это не репутация, а возможность оказаться под ударом со стороны «родительского государства», стремящегося во что бы то ни стало ликвидировать сепаратистскую угрозу.

В азербайджанском нарративе принято использовать выражение «агрессивный сепаратизм», когда речь заходит о Нагорном Карабахе. Однако с феноменом НКР не все так просто. Он во многом создавал не себя самого, а Армению. Армянская борьба за самоопределение на закате СССР была не похожа на грузинское, прибалтийское или молдавское «бегство от империи». Армяне вышли на улицы ради «миацума» – единства АрмССР и Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО).

Не был Нагорный Карабах и куклой в руках Еревана. Долгие годы не столько Ереван влиял на расклады в Нагорном Карабахе, сколько Степанакерт – на происходящее в Армении. Можно вспомнить такое событие, как отставка первого армянского президента Левона Тер-Петросяна под давлением «ястребов» из числа ветеранов Первой карабахской войны. Когда некоторые ереванские журналисты шутили по поводу «карабахской оккупации» их страны, в этом была доля истины. В Декларации о независимости от 23 августа 1990 года говорилось о провозглашении новой Армении, представлявшей собой объединение АрмССР и НКАО. Левон Тер-Петросян взобрался на политический олимп как один из отцов-основателей комитета «Карабах», а второй и третий руководители страны Роберт Кочарян и Серж Саргсян

воевали за карабахское самоопределение, создавали инфраструктуру НКР. Когда Роберт Кочарян входил в армянскую политику как премьер-министр, его оппоненты указывали на отсутствие у него необходимого «ценза оседлости» в Республике Армения. И позднее уже премьер-министр Никол Пашинян, призывая ко «второму этапу бархатной революции», противопоставлял свое правительство «карабахскому клану».

Нагорный Карабах имел все шансы стать эдаким постсоветским Косовом. Республика создавалась на основе жесткого противостояния «сталинскому наследию» в национальной политике, получала поддержку диаспор в странах Европы и Америке, декларировала приверженность демократическому выбору и рыночной экономике. Этим она сильно отличалась от Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья, чьи элиты тосковали по СССР, были противниками «новых националистических государств» и поборниками единства с Россией. НКР же, когда в середине нулевых началась разморозка постсоветских конфликтов и был сформирован так называемый СНГ-2, включавший в себя непризнанных пасынков советского распада, держалась от этого интеграционного клуба в стороне.

Почему же «косовизация» Нагорного Карабаха не произошла? Во многом из-за максимализма создателей этого проекта. Они изначально полагали, что Нагорно-Карабахская Республика должна состоять не только из территории бывшего НКАО, а еще и из смежных земель, населенных армянами. В результате Первой карабахской войны под контроль Степанакерта были взяты семь районов вокруг бывшей автономии, составившие «пояс безопасности». Из-за этого действия армян стали квалифицироваться не только как борьба за самоопределение, но и как оккупация. С тем, чтобы этот «пояс» остался у НКР навсегда, были не согласны все посредники, занимавшиеся процессом урегулирования конфликта.

Во многом этот максимализм отпугнул и саму Армению. Это объясняет, почему Ереван не стал ни признавать суверенитет Нагорного Карабаха, ни присоединять его. Первым, кто четко сформулировал цели компромисса и отказа от геополитического максимализма, был Левон Тер-Петросян. Человек с биографией национал-демократа и карабахского активиста пришел к мысли об уступках, понимая, что максималистские устремления приведут Армению к одиночеству на международной арене. В итоге так оно и вышло.

Самоопределение Нагорного Карабаха в границах НКАО могло получить поддержку. Не только Еревана, но и мировых грандов. И до Второй карабахской войны этот вопрос все еще оставался актуальным. Но признание самоопределения с «прибытком» – на такое не стоило рассчитывать. Расхождения по этому вопросу, до поры до времени не становившиеся достоянием гласности, разъедали отношения Еревана и Степанакерта. Внутри самой Армении идея «миацума», подхваченная обществом с великим энтузиазмом в конце 1980-х, к началу Второй карабахской уже утратила былую поддержку.

Не только одна «большая геополитика», но и отсутствие четкого подсчета ресурсов и возможностей внутри тандема Армения – Карабах предопределили поражения в 2020 и 2023 годах. Произошло перенапряжение сил. Борьба за «миацум» оказалась зарифмованной не только с победой 1994-го, но и социально-экономической изоляцией, эмиграцией, ростом реваншизма со стороны Баку, всячески

поддерживаемого Анкарой. Раздели НКР (и стоящая за ним Армения) вопросы самоопределения и де(оккупации), возможно, не пришлось бы сейчас принимать условия по полному, без всяких особых условий, инкорпорированию Нагорного Карабаха в состав Азербайджана.

Геополитический фактор

Сегодня в экспертном сообществе регулярно поднимается вопрос: почему Россия в случае Нагорного Карабаха повела себя пассивно, а не так, как когда дело касалось Абхазии, Южной Осетии или Донбасса?

Начнем с того, что вплоть до августа 2008 года Россия везде предпочитала статус-кво ревизионизму. Для нее «беловежский порядок» был меньшим из зол, Кремль не хотел, чтобы события развивались по балканскому сценарию. Признание независимости Абхазии и Южной Осетии во многом стало ответом на признание Западом суверенитета Косова. Не в том смысле, что Москве хотелось поквитаться за изменение европейских границ силовым путем. Тогда признание двух отделившихся от Грузии республик виделось уникальным случаем, обусловленным своим набором проблем. К Нагорному Карабаху и Приднестровью это все отношения не имело. Новые ревизионистские практики оказались востребованными, лишь когда отношения России и Запада сильно изменились, как и общая международная обстановка.

Но и в контексте этих изменений Нагорный Карабах был на особом счету. Здесь «разморозка» и в 2020-м, и в 2023 году была связана не столько с возобновлением холодной войны, сколько с «истернизацией» Кавказа и феноменом, который можно определить как «восстание средних держав». Ведь Турция, хотя и член НАТО, ведет в регионе свою игру – интересы Анкары лишь частично совпадают с американскими и французскими. Добавим к этому фактор Ирана и перенос его противостояния с Израилем на Кавказ. Картина получается намного более сложная, чем на Украине. Очевидно, что для Москвы этот театр оказался менее важным, чем события на украинском направлении. Притом что в условиях более запутанной кавказской повестки, где четкая блоковая логика не работает, любое ошибочное движение чревато новыми рисками и неоправданными потерями.

Что в качестве ключевого аргумента предъявляет Москва сегодня? То, что внутри связки Ереван – Степанакерт намечаются расхождения и руководство Армении оказалось готово к беспрецедентным уступкам. Но эти уступки не стали бы возможны, если бы соответствующие настроения не вызрели в армянском обществе. Поэтому даже отставка Пашиняна, который предпочел выстраивать «международный консорциум безопасности» вместо того, чтобы укреплять союз с Россией, не гарантирует изменения курса политики Еревана. Да и ресурсов для этого у Армении нет.

Сегодня многим кажется, что история армяно-азербайджанского конфликта завершена. Но это лишь видимость. Разрушение НКР как де-факто государства не снимает проблему карабахских армян, их прав и гарантий безопасности. Речь не только о территориях и флаге в Степанакерте, но и о людях. И тот, кто сможет решить эту проблему, получит симпатии в Ереване. Не закрыта тема эксклавов и демаркации армяно-азербайджанской границы, как и вопрос о том, кто станет ключевым

бенефициаром открытия транспортных коммуникаций и по чьим политэкономическим сценариям будет развиваться новая логистика региона. Для Москвы решение всех этих задач отягощается национальной травмой армянского народа, второй за 100 лет после катастрофического Александропольского мира 1920 года. Не менее сложный пазл будет складываться и на турецком треке, где далеко не во всем подходы совпадают. А есть еще и Запад, ведущий свою игру в регионе. Причем, случись разлад в отношениях между Баку, Анкарой и Москвой, Америка и ЕС встанут на сторону Азербайджана и Турции.

На Кавказе начинается, если угодно, посткарабахская эпоха. Обстоятельства (и внутренние, и геополитические) сложились не в пользу НКР, чья судьба выглядит сегодня решенной. Но окончательное армяно-азербайджанское урегулирование, точнее сказать, его правила, алгоритмы и формулы еще не выработаны.

Впервые опубликовано деловым журналом "Профиль": Маркедонов С. Как складывалась судьба Нагорного Карабаха, и почему финал ее оказался печален. *Профиль*. 27.09.23. <https://profile.ru/abroad/kak-skladyvalas-sudba-nagornogo-karabaha-i-pochemu-final-ee-okazalsya-pechalen-1396259/?ysclid=m7t285oost178228924>

Источник: Как складывалась судьба Нагорного Карабаха, и почему финал ее оказался печален

ОБ АВТОРЕ

Сергей Маркедонов

ведущий научный сотрудник, Институт международных исследований

Местоположение: Москва , Россия

Сфера компетенций: международные отношения на постсоветском пространстве

Область экспертизы: конфликты на постсоветском пространстве, европейская безопасность

Профессиональный опыт: МГУ, РГГУ, МГИМО МИД. Приглашенный исследователь Института гуманитарных исследований (IWM) в Вене, Фуданьском университете в Шанхае, Немецкого общества внешней политике (DGAP) в Берлине, Приглашенный профессор Центра евразийских исследований в Университете Мумбаи, Индия.

